

ЭХАОН - ОБЛАЧНЫЙ ТЕАТР

«Творение – ожидающее зрелости человека. Много говорят о грядущем царствии — но в дальнейших словах скрыто его движение, как если бы далёкий и почти невидимый объект обрёл свои несомненно чувственные очертания».

И будет вход в него со всех четырёх сторон света, чтобы каждый мог прийти, откуда бы он ни шёл, — это будет ось равновесия, всечеловеческого центра.

Оно будет воздвигнуто на равнине, и будет это ничейная и свободная земля, чистое основание, где фундамент будет положен из согласия всех, а не из власти и спора между друг другом. Именно поэтому здание станет центром мира и символом пробуждения от сна и принятия на себя ответственности за то, что происходит.

Вокруг него живым поясом протянутся ржаные поля. Летом, когда спелые колосья потяжелели и начнётся ветер, будет казаться, что это нерукотворный корабль, подхваченный золотым океаном, или созданная руками любящего отца воздушная колыбель. Осенью, когда поля опустеют, а урожай превратится в хлеб, вокруг поднимутся большие сады — и так и будут стоять всю зиму, — и будут гулять в этих садах люди. Поля и сады образуют внешний круг, первую границу возвышаемого здания в самом центре. Смена времён года, движение света и тени — всё это станет естественной архитектурой этого пространства и его дыханием.

Если смотреть с неба на землю, оно окажется точно в центре, напоминая аутономический горизонт — схематичное отражение великого пересечения вертикали духа и горизонтали жизни. Но с земли оно откроется иначе: как символ трёх высот человеческого бытия.

Облачный театр будет выглядеть сдержанно, ясно и вместе с тем отражать парадоксальность человеческой природы, выраженной в союзе его противоположностей. В нём будет строгая геометрия; будет и свет, и тень, пропорция и конструктивная логика. Внешне его облик сложится из сочетания светлых и тёмных тонов, объединённых одной идеей — союзом и победой над иллюзиями, в котором каждая грань усиливает другую. Оно станет крупнейшим многокупольным сооружением, словно состоящим из сопряжения объёмов людей, из суммы их поступков, собранных в единую форму и, вместе с этим, символом единства в стремлении к жизни. «Я несу жизнь, я создаю жизнь, я даю жить во всех проявлениях»

У него будет четыре больших трёхъярусных фасада — по одному на каждую сторону света. Они будут как уловители ветра. Фасады будут состоять из множества особых колонн — строгих и прямых, как вертикали духа; подобно титанам, они будут встречать каждого, являясь символом мужественности и нерушимости. Никакой избыточности: только симметрия, ясность и ровное дыхание формы. На высоте на самом острие каждого из фронтонов будет ангел.

Подходя к каждому входу, человек будет подниматься по широким ступеням — делая шаг не только к облачному театру, но и к самому себе. Он носитель идеи: архитектуры пробуждения человечества, единства конструкции и мета-космической вечности.

«И станет Облачный театр домом для птиц, и будут вить на его высотах свои гнёзда ласточки»

ЭХАОН. ПЕРВАЯ ВЫСОТА – ПОД ЗЕМЛЁЙ

Первая высота располагается под землёй и образует фундаментальный уровень «Облачного театра». Четыре входа, ориентированные по сторонам света, формируют строгую осевую схему и задают первичную навигацию пространства. Каждый вход раскрывается на уровне второй высоты двумя широкими полукруглыми лестничными маршами с одинаковым шагом проступи и подступенка; они медленно и равномерно уводят вниз, выстраивая ритм спуска и подготавливая человека к переходу в глубь сооружения.

Несмотря на подземное положение, уровень раскрыт во всю предусмотренную высоту: это полноразмерный подземный комплекс с высокими сводами и глубокими перспективами. Здесь нет давящей массы: воздух свободен, продольные и поперечные оси читаются ясно, а движение пространствообразующих линий — чисто. Подземная высота не сжимает сознание — она раскрывает его, позволяя ощутить масштаб и глубину основания человеческого существования. Пространственный строй удерживают крупные травейные аркады: мощные пилоны, сопряжённые с пристенными пилястрами, формируют последовательность пролётов, которые направляют движение и закрепляют ритм пространства. (Континентальная ясность и геометрическая строгость проявлены в дисциплине осей; материальность — на взаимодействии трёх первоэлементов (триаде) — камня, металла и фрагментированного света)

Во всём подземном ярусе доминируют поглощающие тёмные тона — антрацит, базальт, чёрный камень. Золото появляется как акцент в местах сопряжений и по линиям конструктивной логики: тонкие инкрустации, профили и редкие контуры фиксируют геометрию в темноте, расчерчивая объём без избыточности.

Весь настил выполнен из переплавленного оружия со всех частей света. Металл сохраняет очертания предметов — клинков, стволов, механизмов, боеприпасов, гильз, штыков. Это не символ и не украшение, а материальное основание: человек ощущает рельеф под ногами, ощущает легкое сопротивление материала, сохраняя в себе образы, того, что было создано для уничтожения мира. Теперь оно побеждено, переплавлено и годится лишь как напоминание. Этот пол — не память, а темная с легкими световыми проблесками река забвения.

Все стены и потолок первой высоты будут единой динамичной мозаичной композицией — объёмным непрерывным потоком и монументальной линией, где отражены все формы стремления к смерти. Каждая композиция будет начинаться у своего входа, с каждой стороны света, исходя из неё как из точки происхождения, и постепенно переходить в соседние фрагменты, пока весь предел пространства не сольётся в один общий непрерывный цикл, смешение, подобно водовороту.

В этом потоке будут изображены войны, включая религиозные; гонения народов; убийства пророков и апостолов; распятие Христа; покорение и уничтожение государств; детское горе; репрессии и пытки; геноцид; политические преследования; массовые расстрелы; террор; тирании; суть разрушительных идей, уничтожения человеческого достоинства; манипуляции сознанием; крушение городов и культур. На одной из сторон света композиция начнётся с одного из первообразов — убийства Авеля Каином. Каждая сторона света должна иметь своё архетипическое начало — ведь человечество существовало в разрушении не из-за единой причины, а из множества локальных начал.

Во всех этих сценах одним из устойчивых мотивов станет преследование творцов: уничтожение их трудов, запрет их языка, стирание их имён, изгнание и запрет.

По всей длине композиции будут тянуться множества фигур — толпы людей, которые стоят рядом, сопровождают, поддерживают или не сопротивляются тому, что происходит. Они держат за руку своих малых детей. Их будет видно не как центральных действующих лиц, а как массовое присутствие: поднятые руки, лица, обращённые в согласии или равнодушии, силуэты, растворённые в общей массе. Эти толпы станут не фоном, а структурной частью композиции — напоминанием о том, что разрушение редко совершается в одиночку и почти всегда питается согласием, участием или молчанием множества.

Промежутки между мозаичными сценами заняты металлическими буквами, влитыми в камень. Это перечень способов уничтожения, систем наказаний, типов оружия, названий эпох массовых гибелей, заводских кодов и терминов, связанных с созданием смерти. Эти надписи действуют как документация, встроенная в пространство.

Первая высота — это царство непробудного сна человечества и порождаемых им голодных чудовищ, его ночи и отсутствия памяти — территория проявления до-космического хаоса, падения и возрастания к смерти. Это царство мнимой необходимости, страха и инстинкта удержания жизни и власти любой ценой. Здесь человек действует, не понимая, что творит; здесь нет прозрения, только движение по инерции и распад.

У каждой стороны света будет своя кульминационная зона, завершённая локальным куполом — самостоятельным пространственным ядром, идущим от её архетипического начала. Эти четыре вершины подземного уровня не существуют изолированно: их напряжения, ритмы и тяготения образуют сюжетный и смысловой водоворот.

Четыре локальных купола создают центробежный и центростремительный событие, которое замыкается в главном куполе.

В центральной части, самом центре — масштабная кульминационная композиция, метаморфоза ночи. Над ней — большой подземный купол ночи (акустическая и световая оболочка), который раскрывает пространство вверх вопреки тому, что оно под землёй: знак того, что даже в глубине существует возможность поднять взгляд (парадокс подземной высоты) Под куполом обширная — круглая площадка, точка геометрического центра. Стоя здесь, человек видит по внутренней окружности купола золотую инкрустацию текста:

*И будет Он судить народы,
и обличит многие племена;
и перекуют мечи свои на орала,
и копья свои — на серпы;
не поднимет народ на народ меча,
и не будут более учиться воевать.*

Эти надписи — единственный световой вихрь в композиции первой высоты.

Перед собой он увидит множественные каменные фигуры детей, судьи молчания, застывшие свидетели будущего — разных возрастов. Они будут устремляться лучами от края круглой площадки, и заполнять всё пространство. У каждого будет свой облик, своё лицо, свой взгляд, направленный на человека, оказавшегося в центре. Они станут неммым кругом, будущего, ожидающего выбора от взрослого, решения, ответственности.

В самом центре площадки на деревянном постаменте храниться неприметная и большая книга, в неё хранитель пространства будет заносить имена всех правителей, живых, мертвых, вступающих в должность. Запись каждого имени станет ритуалом, совершаемым при присутствии правителя и в присутствии правителей: актом признания, что власть и её решения не стоят над жизнью, а включена в неё, и несет перед ней ответственность. С момента создания, станет порицаем тот, кто откажется от посещения, и власть его с момента сего будет недолгой, отвернуться от него все как от людского избранника, узнав о неискренности.

По всему пространству первой высоты постоянно будут блуждать множество лучей — тонких, дрожащих, похожих на рассеянные проблески сознания. Они будут возникать и исчезать, не собираясь в общее освещение: пересекать залы, касаться мозаик (рассматривая их), скользить по переплавленному металлу пола, отражаться в золотых контурах, переходить от одного фрагмента истории к другому. Эти лучи будут фрагментарны, как попытки понимания, которые ещё не сложились в целостное осознание.

Это пространство — не крипта и не склеп. Оно открыто и действует. Здесь проходят специальные службы; звучит хор, который подхватывают своды, и музыка (акустическая легкая ткань) — всегда как незримый свидетель, сопровождающий и связывающий разрозненные слои опыта в единый сюжетный объём.

Дополнительно: это фиксация смысловой и бытийной части — маршрут участия, пространственный образ и символический строй. Вне публичного периметра, на втором контуре, предусмотрены эксплуатационные и технические зоны: помещения хранения, инженерные галереи, распределительные камеры, сервисные коридоры и узлы обслуживания. Они работают автономно и не вмешиваются в основной сюжетный сценарий.

ЭХАОН. ВТОРАЯ ВЫСОТА – НА ЗЕМЛЕ

Вторая высота располагается над первой и образует большой светлый уровень «Облачного театра» — пространство перехода, выхода из ночи к пробуждению. Четыре входа, обращённые к сторонам света, повторяют структуру основания, но в иной материи: встречая ангелов на остриях фронтонов, проходя через монументальные трёхъярусные фасады и высокие парадные двери, человек пересекает внешнюю грань и входит в пространство «Рассветной архитектуры» поиска и воплощения — пространство сопротивления смерти, человека ищущего, ясной и открытой геометрии.

Пространство раскрыто во всю высоту уровня. Это не этаж, а многоуровневый город с террасами, галереями и переходами — светлый город над городом сна и ночи, город на горе первой высоты: большой, открытый, подвижный, ясный. Светлый камень формирует основные несущие структуры — стены, пилоны, аркады; он строг в форме, но тёплый в оттенках. Дерево становится вторым материалом этого уровня: его присутствие в скамьях, кафедрах, облицовках, резных элементах и мебели создаёт тактильную близость и ощущение убежища в середине пути.

Скульптурное убранство встроено в этот материальный строй. Резьба по камню и дереву, барельефы, включённые в пилоны и пилястры, деревянные скамьи и кафедры, сложная мебельная архитектура — всё это не навешивается на пространство, а вырастает из него, продолжая ритм осей и пролётов.

Вторая высота — центр духовной, умственной и творческой жизни; это протянутая рука помощи, передающая хлеб, а не оружие, слово, несущее не угрозу, а знание. Здесь располагаются обширные открытые и доступные для всех мастерские и лектории: скульптурные, художественные, музыкальные, ремесленные, сценические, исследовательские. Есть большие аудитории и малые комнаты для чтения и беседы, а также сектора для питания.

Несмотря на значительный масштаб, пространство не давит. Его геометрия направляет человека и не замыкает его — она открывает движение, становясь чистым выражением внутреннего перехода. Воздух течёт свободно; продольные и поперечные оси читаются ясно, а архитектурные линии выступают ровно и твёрдо, без жесткости, но с достоинством формы.

Клеритории, прорезанные вдоль верхних поясов стен и сводов, впускают множественный рассеянный свет. Днём он свободно заливает пространство, растворяя тени и подчёркивая чистоту осей. Вечером и ночью к нему присоединяются точечные и линейные источники искусственного освещения, встроены в карнизные профили и в плоскости стен, как одеяло укрывая пространство и людей мягким и тёплым свечением. Пространство будет существовать в триаде света: дня, вечера и ночи — не ослепляющим, а направляющим.

Весь объём второй высоты сосуществует в единой мозаичной многополярной композиции. Чтобы пространство не превращалось в замкнутый круг, движение мозаики развивается не только по горизонтали, но и по вертикали: линии, сюжеты и мотивы поднимаются к купольным кульминационным зонам, образуя восходящую тягу. Развиваясь от каждой стороны света, сюжеты не просто перетекают, но и наслаиваются друг на друга, формируя единый язык культурного и цивилизационного взаимодействия.

В этом потоке разворачиваются символические сюжеты пробуждения. Здесь — миротворцы, творцы, милосердные, праведники, пережившие гонение; учителя и философы; первые собрания и общины; пророки и апостолы; житие и проповеди Христа; рождение городов; труд земледельцев; детское счастье; восстановление разрушенного. Всё это — не иллюстра-

ции, а восходящее стремление жизни, которое поднимается от фрагмента к фрагменту. Сквозным мотивом станет фигура творца. Вокруг него складывается пространство: люди слышат и принимают его слово, продолжают его дело. Творец здесь не герой, который тождественен смерти — а тот, кто устремлен к жизни.

«Во второй высоте ощущается незримый диалог между мозаичными сюжетами первой и второй высот — шепотом и столкновением, в котором проявляется парадокс человеческой природы».

Промежутки между мозаичными сценами заняты текстами. В светлый камень врезаны полированные металлические буквы золотого цвета — как образ говорящего огня, но без разрушения. Здесь — заповеди, проповеди, слова о любви к ближнему, тексты о достоинстве, милосердии, свободе, миротворчестве. В этом отношении слово становится несущей конструкцией жизни, противопоставленной гнѣту первой высоты. Для каждой стороны света — свои акценты, своя языковая традиция, свой тон, но все тексты подчинены одной вертикали: торжество жизни над смертью.

У каждой стороны света есть собственная кульминационная зона, завершённая локальным куполом — самостоятельным пространственным ядром, вырастающим из её архетипического сюжета. Эти купола собирают вокруг себя мозаики, свет и движение людей, формируя четыре концентрических напряжения, которые сходятся в центральной части второй высоты.

Центральное пространство второй высоты — воздушный, сердцевинный, монументальный зал с двумя широкими лестничными маршами, поднимающимися к третьей высоте. Это смысловой и энергетический узел всего уровня. Здесь сосредоточена композиция пробуждения, соединяющая первую, вторую и третью высоты в единую вертикаль.

В самом центре, над землёй, вознесён Человек-Пробудившийся. Его правая рука, вытянутая вертикаль, перстом указывает путь к третьей высоте; в левой, опущенной вдоль тела, он держит свиток — знак обрѣтѣнного скрытого знания. Его подъѣм — это знак перехода: от ночи первой высоты, через рассвет второй, к вечности третьей.

«Если птица Феникс, сгорая, вновь рождается из пепла, то Аутоник пробуждается в прахе этого мира и прорывается сквозь него в единственном возможном стремлении — имя, которому жизнь.»

Основанием композиции служит мощная пластическая форма из переплавленных мечей, клинков и оружия, собранных в единый художественный объѣм. Это вершина горы — колпак — центрального купола первой высоты, Зала Метаморфозы Ночи. В её рельефах проступает лик мифической женщины — Великой Матери, земной и хтонической силы, некогда порождавшей чудовищ. Лик её невероятен и красив. Теперь она пребывает во сне: её сон — печать того, что разрушение, распри и ненависть утратили власть. В нижней части формы, как её смысловой контрапункт, расположен массивный камень с надписью: «Я несу смерть и умираю, во всех проявлениях».

В высшем поясе центральной композиции, туда, куда устремлѣн Человек Пробудившийся, нанесены читаемые на всех языках надписи: «Я несу жизнь. Я создаю жизнь. Я даю жить во всех её проявлениях». Сам потолок центрального зала — сложный купольный механизм, космический знак, встроенный в архитектурный замысел и напоминающий астролябию. В

ключевые мгновения, когда третья высота готовится открыться для людей, высший пояс и купольный механизм приходят в движение — как единый круговой жест небес.

Естественный свет играет в композиции ключевую роль. Днём лучи проникают через специально устроенные световые апертуры, следуя пути солнечного диска. Их движение по пространству — благословение Человека Пробудившегося. Ночью сквозь те же проёмы проходит лунный свет: он не разрушает тьму, но очерчивает контуры композиции, делает её глубже, собраннее.

Вокруг вознесённого человека, в воздушном объёме зала, устроена система подвешенных обручей-орбит — символ обретаемого объёма. Они образуют многослойное сферическое поле, расширяющее смысловое ядро композиции. Эти орбиты показывают: человек, пробудившийся от многовекового сна, раскрывается во все стороны, становясь цельным, многомерным, обретая полноту собственного преображения по законам мета-космической вечности.

ЭХАОН. ТРЕТЬЯ ВЫСОТА – НАД ЗЕМЛЕЙ

Третья высота располагается над второй и образует вершину — ядро всего «Облачного театра», пространство явления, экзистенциального видения, пламени (красного золота духа), присутствия и соучастия.

«То, что было разрушено и преодолено, превратится в новое дыхание»

Это не просто архитектура — это пространство события, опыта, выраженное в форме. В нём человек становится соучастником творения, это пространство поступка, где человек не наблюдает мир, а вмещает его, становясь тем, кто принимает на себя ответственность за него.

Пространство третьей высоты — трансформируемое, сценическое, но при этом предельно цельное: оно способно изменять конфигурацию зала, устройство сцены и направление взгляда. Сценическое и зрительское здесь не разделены, а текут одно в другое. Это живой организм, способный вращаться, собираться, раскрываться и вновь сворачиваться — подобно дыханию, микрокосму, где каждая точка становится началом движения и разворачивания жизни.

Несмотря на намеренное затемнение, зал не погружён во мрак. В мягком направленном свете проступают рельефы множества птиц, украшающих стены и своды. Они словно движутся внутри пространства — от земли к небу, от формы к смыслу, от осознания отсутствия времени к вечности — являясь символом перехода и вестником истины.

Архитектура театра устроена так, что техническая сложность не подавляет чистоты восприятия. Всё штанкетное и сценическое оборудование скрыто внутри купольной системы; если выйти наружу, видно только завершённый купол, обращённый к небу — без тяжести, без механической формы.

Внутри пространства предусмотрена система закрываемых сценических карманов, в которых размещаются и хранятся декорации. Каждый карман соединён с лифтовыми шахтами, ведущими вниз — в производственные цеха и мастерские, расположенные на первой высоте. Там же — комнаты хранения костюмов и реквизита, зоны подготовки и отдыха аутоников,

встроенные в объём третьей высоты так, чтобы не нарушать акустику и целостность зала. Эти пространства — не утилитарные, а органичные: они существуют как продолжение тела Облачного театра, как его дыхательные камеры.

Попадая в него, человек выходит за пределы веса и меры. Город облако. Пространство спроектировано свободно «Облачная архитектура», в нем дышится легко: система скрытых акустических камер и мягких звукопоглощающих поверхностей устраняет отражения и посторонние шумы, создавая эффект безграничного объёма – переподготавливая посетителя к возникновению внутреннего слуха.

С противоположной стороны основного зала расположена камерная сцена — пространство для явлений, не требующих масштаба, для внутренней творческой работы и поисков. Это не меньший театр, а иная форма — концентрированная.

Третья высота (гнездовье комплекса) — это пространство диалога и творения, место раскрытия истины и обновления, где смысл возникает не в изображении и репрезентации, а в живом присутствии — в событии, происходящем между людьми.

Вдоль стен, на разных высотах и в разных направлениях, выступают ключевые тексты — на всех языках четырёх сторон света. Они не читаются последовательно, они символично пребывают в разных точках, образуя трансцендентный смысловой вихрь. Исполнение этого решения должно быть реализовано таким способом, чтобы это не казалось декоративным элементом, а словно пространство произносит их:

Примеры:

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.»

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас. Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим. Ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко.»;

«Когда бы ни угасала праведность, нравственный закон и возрастало беззаконие, тогда Я нисхожу вновь — чтобы защитить праведных и восстановить путь истины из века в век.»;

«За пределами идей добра и зла есть поле. Я встречу тебя там.»;

«Форма есть пустота, и пустота есть форма. Пустота не отлична от формы, форма не отлична от пустоты. Всё, что рождено, неизбежно свободно.»;

«Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются. Истина возникнет из земли, и правда проникнет с небес.»;

«Кто спасает одну жизнь, тот спасает весь мир.»

Тексты встроены в архитектурную ткань как энергетические каналы — линии смысла, пересекающие пространство, соединяющие языки и культуры, создающие невидимую орбиту единого слова.

Купол третьей высоты — вершина всего пространственного организма театра, его высшее око. Внутри он устроен как сложная динамическая система — купольный свод с подвижными сегментами, способными открываться и смещаться, словно створки небесного механизма. Снаружи — чистая сфера, без утилитарных признаков, без углов и тяжести, обращённая прямо к небу.

В конце каждого явления купол вступает в собственное действие — становится его непосредственным участником. Его поверхности могут раскрываться, образуя вид на бесконечное космическое пространство, или превращаться в сферу световой проекции. Иногда он становится огромным грозovým облаком — предвестием света; иногда — пространством, где видны траектории звёзд и медленное движение созвездий.

В этот момент по всему периметру третьей высоты распаиваются окна и скрытые клеристории — узкие, до того закрытые проёмы. Через них внутрь входит естественный свет, обтекающий стены и фигуры. Благодаря этому свет преобразует пространство и превращает его в открытую орбиту, делая человека частью космического жеста.

Во внешнем кольце третьей высоты, за пределами основного сценического объёма, располагается сад «Гесперид» — открытая всем сторонам света кольцевая галерея «Воздушный пояс», формирующая каменное обрамление купола. Архитектурно это непрерывный открытый балкон, проходящий по всему периметру высоты. Конструкция выполнена из светлого известняка и известковых композитов, перекликающихся с материалами нижних уровней, что обеспечивает единство всего объёмно-пространственного ансамбля «Облачного театра».

Поверхности балкона — строгие, монолитные. Камень здесь работает не как тяжесть: его фактура удерживает форму при максимальной открытости. Ограждения и парапеты выполнены — так, чтобы не прерывать круговой обзор и сохранять ощущение парения.

В галерее встроены каменные посадочные ниши и резервуары, в которых размещены и растут растения сада. Их корневая система снабжена системой вентиляции и капельного орошения. Среди растений, гармонично размещены зоны отдыха — небольшие сидения и площадки для созерцания.

По всему периметру открытого балкона, обращённого к небу и сторонам света, располагается ряд статуй. Они не обращены внутрь, а смотрят во вне — в пространство горизонта, мира. Они не декоративны: каждая из них — образ человека, взявшего на себя ответственность за творение. Они стоят на каменных пьедесталах, образуя пояс по всему кольцу третьей высоты. Пластика их предельно собрана: нет избыточного движения, есть сосредоточенность и внимание. В ночное время мягкое направленное освещение высвечивает их контуры, победители векового сна, хранители мира.

Открытая конфигурация балкона обеспечивает непрерывную связь с окружающим ландшафтом — с городом внизу и с небесным куполом. При проектировании должны быть учтены параметры безопасности и ветровые нагрузки обеспечивающие комфортное пребывание людей при любой погоде.

Открытая панорама не просто вид, а функционально-психологическое продолжение третьей высоты, обостряющее восприятие. Она конструктивно и смыслово необходима — как архитектурная реализация идеи осмысленности, обращённой к жизни.

«Птицы воспели обретшие дом, их крылья теперь под широким крылом»

И будет восемь небольших Облачных театров по всему земному поясу, и дадут этому имя — Улица Света.